

Пролог

Последние километры Никита Евсеев брёл наугад, подчиняясь не разуму, а гнавшей его неведомой воле. Он давно перестал смотреть на часы и искать приметы, указывающие направление на позиции их полка. Ноги сами вели его вдоль леса, пока не вывели к завалившейся изгороди для скота, за которой виднелась крыша небольшой избы. Приземистый дом на окраине деревни выглядел заброшенным и убогим. Ставни подслеповатого окошка висели на одной петле, крыльцо обветшало, а труба обсыпалась по краям рыжей кирпичной крошкой. Её брызги делали подтаявший снег на кровле похожим на весёлое рождественское конфетти из далёкого детства.

Обняв раненую руку, Никита неловко свалился на бок, безразлично думая о том, что до его спасения или смерти осталось всего несколько метров.

Наверное, он на миг потерял сознание, потому что перед глазами снова закрутилась паутина

разноцветных конфетти с ёлки в Царскосельском дворце. Император каждый год приказывал наряжать её для детей обслуги.

— Ты уже большой, сынок, и тоже пойдёшь на праздник. Конфет получишь от августейших особ, — весело щебетала мама — такая нарядная, в новенькой синей блузке с красными пуговками и чёрной шерстяной юбке. В ответ он смеялся и трогал пуговки указательным пальцем, словно играл на гармонике-тальянке, о которой давно мечтал.

Мама служила младшей судомойкой при дворцовой кухне и очень дорожила своим местом. Она умерла от тифа в двадцать первом году, когда Никите исполнилось двенадцать лет.

А сейчас идёт третий год войны, которой не видно конца. И сегодня во время перехода на новую позицию их взвод напоролся на немецкую засаду. В мозги впечаталось начало этой короткой драки. Сначала рядом разорвалась граната, убившая ефрейтора Мохова, а следом другая, едва не похоронившая его самого. Евсеев кричал и стрелял до тех пор, пока не закончились патроны и не наступило внезапное затишье. Тогда он встал во весь рост и ждал выстрела. Зачем? На этот вопрос Никита не смог бы сейчас ответить. С неба, мягко кружа, сыпал лёгкий снежок, нежно укрывая мёртвые тела и не разбирая, кто русский, а кто немец. В ушах гудело от разрывов гранат, во рту солонело от крови, а в мыслях кружилось залетевшее из глубин сознания словечко

«контузия». Оно было фиолетово-чёрного цвета и то сжималось, то разрасталось, заполняя болюю черепную коробку.

Оружие! Нельзя потерять оружие! И патроны, патроны! Мохову они уже не понадобятся.

Пистолет-пулемёт ПППШ, любовно именуемый солдатами «папашей», казалось, навсегда прикипел к скрюченным пальцам.

Никита с трудом влез в лямки показавшегося теперь стопудовым вещмешка, накинул «папашу» на плечо и медленно пошёл в ту сторону, где ждали подкрепление.

Когда крыша дома за околицей повернулась трубой вниз, Никита провалился в тягучую тьму, сквозь которую прорывался чей-то голос:

— Дяденька, дяденька, ты живой?

С трудом разлепив глаза, Никита увидел перед собой размытый овал детской головы — чёрный лик с золотым нимбом вокруг головы. Не сразу поняв, что девочка стоит против солнца, солдат сморгнул и разлепил спёкшиеся губы — «пить».

Безотчётно повинувшись приказу детской руки, он с трудом доковылял до избы, из последних сил перевалил себя через высокий порог. Последнее, что мелькнуло перед взором, был портрет Гитлера, косо пришпиленный к стене напротив входа.

Длинная, сальным начёсом на лоб чёлка, прищуренный взгляд, отвратительные усики, похожие на меховую нашлёпку на губе.

Где он? Куда попал? Надо вставать, стрелять, давить гадов голыми руками.

Никита ощутил возле губ металл жестяной кружки и, вместо того чтобы разнести это логово гранатой вместе с его обитателями, стал жадно глотать тёплую, смешанную с собственной кровью воду.

На войне легко не бывает.

До призыва на фронт Никита Евсеев работал водителем подвижного состава во Втором трамвайном парке города Ленинграда.

— Везёт тебе, Никитка! Глядишь, до конца войны со своей бронью отсидишься. Пока за тебя мальцы головы складают, — бросила в лицо путейцу соседка, уже получившая похоронку на девятнадцатилетнего сына — бывшего ещё вчера непутёвым, продувным Пашкой — грозой дворовых кошек и собак.

Голова Евсеева дёрнулась, как от пощёчины, и с этого дня он принялся писать во все инстанции заявления с просьбой направить на передовую. В военкомат ходил как на работу. Но даже в блокадную зиму, когда вагоны безжизненно застыли в трамвайных парках, военком не давал добро.

— Не дури, Евсеев, скоро весна. Трамваи бегать должны, хоть кровь из носу. Понимаешь, кровь из носу! А людей нет! Все умерли от голода. От начальника дистанции до последнего кондуктора.

Для устрашения военком стучал по столу пустым подстаканником, оставляя на зелёном

сукне круглые отпечатки. Уговаривал, приказывал, грозил. Но Евсеев стоял на своём: хочу на фронт, замену себе подготовлю.

Призвали его, истощённого ленинградской блокадой, лишь ранней весной сорок второго. Вместе с другими призывниками погрузили в поезд и отправили в Волховстрой. Там, в плохо протопленной школе, определённой под казармы, выдали сапоги, брюки, тёплые телогрейки, трёхпалые рукавицы и шапки-ушанки. Народ подобрался разномастный: от взрослых мужчин, наподобие пожилого рабочего Матвеева, до безусых парнишек, вроде Кольки Николаева с Нарвской заставы.

В марте новобранцы принимали присягу, а ещё через пару недель, чуть отъевшись, перешли пешком Ладожское озеро — пятьдесят километров за одну ночь.

Дивизия, куда направили Никиту Евсеева, стояла на берегу Невы.

Командир полковой разведки построил маршевую роту у штабной землянки и коротко спросил:

— Кто желает служить в разведке? Предупреждаю, разведчикам будет тяжелее, чем пехотинцам.

Шаг вперёд сделали двое: рядовой Евсеев и рядовой Николаев.

Критически осмотрев щуплого Евсеева и коренастого, но бледного Николаева, командир дал команду:

— Кормить досыта.

Досыта их кормили ровно сутки.

...Поданная девочкой вода втекала в иссохшее горло глоток за глотком, и понемногу уходила, словно туча, тёмная дурнота, застилающая сознание. Проступала, как из морока, обстановка обычной русской избы: белёная печь, грубо сработанный буфет, крашенный коричневой краской, вдоль стены широкая лавка, застеленная полосатым половиком. Среди этого незатейливого уюта портрет Гитлера казался злой насмешкой.

Девочка заметила его взгляд и, ссутулившись как старуха, бесцветным голосом пояснила:

— Это брат картинку с фюрером повесил. Он полицаи, братан мой.

— Полицаи?

Рывком поставив себя на ноги, Никита прильнул к стене, определяя источник опасности. За год на передовой во взводе разведки он научился мгновенно сосредоточиваться, не обращая внимания на боль и усталость.

Комвзвода, младший лейтенант Суворкин, в первый же день по прибытии во взвод сумел вбить в голову новоиспечённым разведчикам:

— Кто первый выстрелит, тот и будет жить.

Сам Виктор Суворкин оплошал. Замешкался, когда брали языка под Красными Стругами. Так и остался висеть на проволочном заграждении близ немецких траншей.

Коротко выдохнув, Никита повёл стволом в сторону комнаты:

— Брат там?

Жалобно вытянув шею, девчонка сделала рукой успокаивающий жест:

— Уехал в район на три дня. Одна я, дяденька, не бойся. Дай, перевяжу тебя, а то раны ознобишь.

Никита не мог решить, заговаривает девчонка ему зубы или правда жалеет. Но он знал другое: в полк пробираться километров десять, а потеря крови на морозе могла стоить жизни.

— Забинтуй, только быстро.

С насторожённой охотника Никита проследил, как девчонка сноровисто разодрала на полосы кусок истрёпанного домотканого полотенца, достала из шкафика великую ценность — синьку для обработки ран. Наверно, сохранилась с довоенного времени.

— Давай, дяденька, скидывай куртку.

Хотя зима сдавала свои права, было холодно, и разведчики носили тёплые телогрейки на байке. С трудом высвободив левую руку из набухшего кровью рукава, Никита подставил рану хозяйке, но «папашу» не положил, держа палец правой руки на спусковом крючке. Стараясь не смотреть на портрет Гитлера, следил, как девочка слой за слоем накладывала на руку повязку. По телу прокатывались волны боли. Кровь всё

ещё сочилась, мгновенно пропитывая тонкие бинты, туго стелющиеся на руку.

На вид девчонке можно было дать лет пятнадцать. Очень худая, остроносая, тонкогубая, с прыпышками гусиной кожи на шее. Прозрачные веки под коротенькими бровями отливали голубизной недоедания и недосыпания.

Странно! Полицаи получали хороший паёк и жили справно. Правда, недолго. Как только приходили наши войска, пособников фашистов тут же пускали в расход местные жители, вымещая на них всю скопившуюся ненависть к врагу.

Такая же участь ждёт и братца-полицая.

Изнемождённо откинув голову, Евсеев позволил себе на несколько секунд расслабиться, но как только был завязан последний узел бинта, распрямился:

— Спасибо. Я пошёл.

Теперь главное — уйти незамеченным, как и пришёл. Помоги, Господи!

Поправив амуницию, Евсеев спустился с крыльца, стараясь держаться поближе к пузатой поленнице, сложенной особым, эстонским, способом. Поленья были выложены по кругу сторожевой башней и могли служить хорошим укрытием при стрельбе. Никита твёрдо знал, что живым он не сдастся и будет отстреливаться до последнего патрона.

На свежем воздухе дышалось свободнее, но гудение в голове не прекращалось, закладывая уши противным пискom.

С удивлением Никита заметил, что девчонка уже поработала веником-голиком, заметая кровавые следы от леса к дому. В сердце ударило тепло, тут же растворившееся в глухой неприязни. Не хватало разнюниться, как бабе. Раз Гитлер висит на стене, значит, вся семья фашистская. А перевязывала девчонка его не из жалости, а чтоб не убил. Жизнь свою спасала. В войну на малолетство скидок нет.

Окинув взглядом безлюдную улицу, Никита короткими перебежками метнулся к лесу, благо дорога была засажена старыми тополями. Их корявые стволы уже набухали весенними соками, и, хотя по обочинам лежал снег, тропа чернела жирной грязью, тронутой лёгким морозцем.

Отказываясь слушаться, ноги противно подрагивали в коленях, и больше всего на свете Евсееву хотелось лечь и заснуть. Так, чтоб проспять сутки, а лучше двое. А проснувшись, выйти из землянки на солнце, подставить лицо весенним лучам и услышать от однополчан, что война закончилась и можно ехать домой.

Вот так просто, за одну ночь, закончилась, и точка.

Движение давалось с трудом, и, пройдя с полкилометра, Никита устало привалился к дереву перевести дух. Достав из кармана компас,

прикинул, в какую сторону идти. Не напороться бы снова на фашистов. Силёнок для борьбы у него осталось немного.

Нестерпимо мучила жажда. Он наклонился положить в рот кусочек подтаявшего снега и заметил позади себя движение. Зверь? Человек?

Задеревенев мускулами лица, Евсеев передёрнул затвор и увидел знакомые глаза, вытаращенные на него в немом испуге.

— Не стреляй, дяденька. Я с тобой пойду. Провожу тебя до наших. Я лес как свои пять пальцев знаю.

— Кыш отсюда.

Никите не хотелось пугать спасительницу, но то, что она за ним потащилась, не лезло ни в какие рамки. Не хватало ещё на позиции хвост за собой притащить. Некоторые разведчики хвастались, что свидетелей в живых не оставляют, но Евсеев никогда бы не смог поднять руку на своего, советского человека. Хотя какая же она советская? Вражий выкормыш!

Тяжело ворочая глазами, Никита навёл на неё оружие:

— Уходи, не доводи до греха.

Звук собственного голоса колоколом бухнул в голове, а взгляд снова затянуло расплывчатой дымкой.

Он уже не видел ни девчонки, ни леса, ни тёмной тропки между тонких сосёнок, по которой только что с трудом переставлял ноги.

— Погоди, дяденька, дай отдышусь...

Выныривая из полузабытья, Никита обнаружил, что нависает над растрёпанной головой девчонки, а она, вцепившись в армейскую телогрейку мёртвой хваткой, тащит его по густому перелеску.

Выплёвывая слова, Евсеев выдавил:

— Куда?

— К своим, дяденька. Недалеко осталось. Сейчас спустимся в овражек, а оттуда уже и позиции видать. Не бойся, мимо немцев я тебя болотиной обвела. Они туда не суются.

От близости ли своих, от того ли, что организм понемногу справлялся с контузией, но ум Евсеева прояснился. Никита уже шёл самостоятельно, рассчитывая силы от дерева к дереву. Хватая ртом прохладный воздух, он спросил:

— Зачем ты меня спасаешь? Сдала бы немцам и отвела беду от дома. Ведь узнают, что ты красноармейца прятала — пристрелят как курёнка, не посмотрят, что полицаева сестра.

Девочка остановилась. Никита увидел, как её голова мелко затряслась. Наконец, прикусив губу, она справилась с волнением:

— А меня по-любому пристрелят. На днях вы выбьете фрицев, и местные нас с братом в клочки разорвут. Пусть уж лучше фашист прибьёт, чем свои. Я фашистов знаешь как сильно ненавижу! Ух!

Сжав кулачок, девчонка разрубила им воздух, словно ударила по голове невидимого врага.

— А чего ж не ушла от брата?

Она заплакала мелкими слезинками:

— Куда мне идти? К кому? Как фашист пришёл, я со двора и носа на улицу не высывала. У нас знаешь как страшно! Немцы девок эшелонами в Германию угоняют. Увидят на улице, за косу отволокут в сарай, а когда состав подгонят, то в вагон, и поминай как звали.

Свои, партизаны, только два раза в деревню приходили, да и то осторожничали — из-за угла постреляют по фашистским машинам и снова в лес.

Народ совсем растерялся. Вот брат мой и пошёл сдуру в полицию. Струсил. Учителем он был в местной школе. А портрет бесноватого бургомистр велел повесить. Собрал полицаев и приказал: «Приду к вам в дом в любое время, не увижу портрета фюрера — всей семье экзекуция».

Скорей бы эта экзекуция. Ждать страшно.

Переведя дух, они прибавили шагу. Никита рвался к своим, а у девчонки, видно, открылось второе дыхание. Она уже не плакала, не тряслась, а натужно подталкивала Евсеева в спину, словно катила в гору огромный валун.

Знакомая местность показалась внезапно, спасительно вынырнув из сизой дымки.

Девчонка замерла:

— Иди, дяденька. Храни тебя Бог.

Никита мотнул головой:

— Ну, бывай. Прости, если обидел нена-
роком.

Жалкая, худенькая девчонка со скорбными глазами казалась сухим стебельком, который без усилий можно сломать двумя пальцами.

Вокруг них набирала силы весна, звеня голо-
сами птиц и пробиваясь тёмными ручейками на
стволах, похожими на взбухшие вены. Скоро Пасха.

Воспоминание о празднике из детства по-
могло собраться с духом. Никита чуть помедлил,
словно прощаясь с родными, и, осторожно
шевелив плечом, скинул на землю вещмешок.

— Погоди, я тебе кое-что дам на память.
Авось у тебя целее будет. Я это в детдоме сберёг,
в землю закапывал, чтоб не отобрали, а здесь
на войне, сама понимаешь... Убьёт меня шальной
пулей, и следов не останется.

Не обращая внимания на пронзающую боль
в пальцах, он распустил узел вещмешка и достал
холщовый кисет, грубо прошитый через край
серой нитью.

— На, возьми. На счастье, как говорится.

От последовавшего за этим Евсеев расте-
рялся как школьник. Вместо того чтобы взять
подарок, девчонка отпрыгнула в сторону, за-
цепившись ногой за кочку, упала в ноздреватый
снег и заголосила:

— Нет, дяденька, не возьму! Моя жизнь
конченная, а тебе ещё воевать! Тебе счастье более
нужно! Не возьму, нипочём не возьму!

Почти насильно сунув ей в руки кисет, Никита крепко взял девчонку правой рукой за плечо и встряхнул:

— Не дури! Не насовсем даю.

Она притихла, сжавшись в комок:

— Не насовсем?

— Ты вот что! — Никита лихорадочно соображал, что же делать, и обрадовался от внезапно пришедшего в голову простого и ясного решения: — Из своей деревни беги сегодня же. Пробирайся в Ленинград. Мучной переулок, дом три, квартира пять. Скажешь, племянница Никиты Евсеева. Будешь меня там ждать. Поняла?

Заплаканные глаза девчонка согласно моргнули:

— Поняла.

— Мучной, три, квартира пять. Не забудь.

Она снова кивнула, уже спокойнее. Притиснув к груди кисет, девчонка еле слышно шевельнула губами:

— А что там в мешочке, дяденька?

Он ответил не сразу, мысленно ощутив на ладонях тяжёлую гладкость императорского фарфора, а когда ответил, его голос слегка дрогнул:

— Пасхальное яйцо.

...Переваливаясь в траншею на протянутые руки однополчан, Никита вспомнил, что забыл узнать у девчонки, как её зовут.

Повязав нос и рот старым шарфом, чтобы не пахло химией, Лена Шелестова нажала кнопку аэрозольного баллончика с автомобильной краской и направила струю на дерматиновые ботинки. Она увидела обувь на барахолке у рынка и сразу поняла, что если выкрасить обновку синим металликом, то будет полный отпад. Финансы пели романсы, на фирменную обувь денег не хватит, а здесь всё удовольствие за пятьсот рублей.

— Бери, подруга, не прогадаешь. Сносу нет, — подбодрила хозяйка раритета — круглолицая старушка экзотического вида. Из-под вязаной шапки у бабульки свисали две пионерские косицы с капроновыми бантами, а вместо куртки плечи укрывало цветастое пончо в крупных розах. Бабулёк в молодости наверняка хипповала по-чёрному.

Лена раскрыла кошелёк и определила, что после покупки ботинок до зарплаты останется триста рублей. На дорогу в университет. А на еду с завтрашнего дня тратить деньги не придётся: мамина подруга устроила её на ночную смену

в частную пекарню. Работа несложная: раскладывать на противень замороженные пирожки, ставить в печь и по сигналу таймера доставать готовую выпечку.

— Золотых гор не заработаешь, но с голоду не умрёшь. Брак и лом можно забирать себе, — сказала тётя Нюся, смахивая слезинки с глаз, и, помолчав, добавила, — жизнь людей часто через колено ломает. Надо терпеть, сиротке выбирать не приходится.

При упоминании о смерти родителей в Ленино горло проскальзывал ледяной комок, замораживая тело до самых печёнок. Из-за этого комка Лена даже не смогла толком поблагодарить тётю Нюсю, а ведь она одна вспомнила, что надо срочно найти средства к существованию.

Мама с папой умерли внезапно: мама от инфаркта, а папа через полгода от инсульта.

— Ушёл к жене, — говорили Лене на похоронах знакомые и ободряюще добавляли: — Повезло, что у тебя старшая сестра есть. Аллочка наверняка поможет встать на ноги, она женщина разумная, хозяйственная, вон какие похороны отцу обеспечила.

Лена тупо кивала головой и отмалчивалась на вопросы о своём будущем. Она совершенно не представляла, как будет жить дальше.

У родителей деньги всегда лежали в сахарнице от парадного сервиза. В семье было заведено: надо — бери, а в сахарницу положи

записку, сколько взяла. Сахарница казалась неиссякаемой. Даже после смерти мамы сахарница продолжала пополняться папиной зарплатой шофёра-дальнобойщика. В день его похорон Лена выудила оттуда последние пять тысяч рублей, по привычке написав на обрыве картона цифру пять с тремя нулями.

На них она протянула почти месяц, каждый день бегая по объявлениям насчёт работы.

В адвокатской конторе, где требовалась уборщица, секретарша недвусмысленно дала понять, что мэтр любит молоденьких девушек. В супермаркете не понравился её внешний вид, в детском садике сказали, что ищут няню в возрасте, а ещё лучше — пенсионерку.

Есть Лена стала совсем мало, ограничиваясь пачкой кефира и батоном. Правда, дома ещё хранились мамины соленья и пачки круп и макарон, но готовить для себя было лень, и запасы остались на чёрный день.

— На мою поддержку не рассчитывай. У меня семья, дети, — с ходу предупредила сестра Алла, едва закончились поминки. — Ты взрослый человек, студентка, скоро стукнет двадцать. Я в восемнадцать лет замуж вышла и, как видишь, не прогадала. Кстати, Борис тоже считает, что тебе пора жить самостоятельно, а не висеть на нашей шее.

Когда Алла говорила про своего мужа, в её голосе звучало скрытое торжество, словно

у девочки, получившей на Новый год самый лучший подарок от Деда Мороза.

Сестра стояла в дверях гостиной, высокая, стройная, с модной стрижкой каре, отливавшей лимонным золотом.

Обычно в русских сказках старшая сестра дурнушка, а младшенькая — красавица. В семье Шелестовых получилось наоборот. Старшей Алле от мамы достался аккуратный ровный носик, а от папы огромные голубые глаза, делавшие её похожей на наивную Красную Шапочку из детской книжки. Лена похвастать красотой не могла: среднего роста, нос толстый, глаза серо-зелёные, как болотная вода в майский день.

Когда Лена училась в последнем классе, она услышала разговор мамы с тётей Нюсей:

— Леночка родилась такая страшенькая, что акушерка охнула от удивления. Конечно, с годами она переросла неказистость, молодые все симпатичные, но, боюсь, с Аллой Лене никогда не сравниться. И, честно говоря, я не уверена, что на Лену будут заглядываться молодые люди — очень уж она бесцветная. Совершенно не умеет себя подать.

Наутро после маминого признания, сделанного за чашкой чая на тёплой кухне, Лена вышла из своей комнаты с косо подстриженными волосами, выкрашенными аптечной зелёной краской, и в старой бабушкиной кофте, подпоясанной грубым армейским ремнём.

Родители не находили слов, а одноклассники, наоборот, горячо одобрили новый имидж. И хотя первая красавица класса выразительно покрутила пальцем у виска, в глазах её читалась бешеная зависть к новому лидеру.

Оказалось, что яркая внешность добавляет немало хлопот, и вместе с немислимой одеждой приходится натягивать на себя лихость и бесшабашность, с которой всё трин-трава и море по колено.

От размышлений о жизни Лену отвлекло шипение аэрозольного баллончика в правой руке. Напоследок выдув из сопла пузырь краски, он выплюнул его на носок левого сапога, портя наведённую красоту.

Пачкаясь в синем металлике, Лена завозила пальцем по липкой краске, пытаясь уничтожить неровности. Получилось ещё хуже: от прикосновения пальца краска расползлась по сторонам, оставив посредине светлое пятно. И телефон зазвонил некстати! Не зря умные люди говорят, что бутерброд всегда норовит упасть маслом вниз.

— Алло!

Звонила сестра, без переходов выдохнув длинную фразу:

— Лена, у нас с Борисом к тебе очень серьёзный разговор. Мы будем через час. Советую одеться прилично.

— Вот ещё, прилично! Много чести.

Со стуком шлёпнув телефонную трубку на стол, Лена прищурила глаза, оценивая дизайн

ботинок. За время разговора краска растеклась по поверхности носков и пятно почти исчезло, но результат не радовал. Причина крылась в телефонном звонке. Было в голосе Аллы что-то напряжённое, нервное. И к тому же она пообещала прийти с мужем, а Бориса Лена никогда не жаловала.

Их первое знакомство случилось пять лет назад, когда на дворе стояла ранняя осень. Тёплый ветер играл в желтеющей листве тополей и кружил в воздухе паутинки с крохотными паучками. Лена жалела паучков. Глупая мелюзга: ткнут паутину, сучат лапками, ловят мошек и не понимают, что лето закончилось и впереди ждёт долгая зима с морозами и снежными сугробами.

Решив прогулять урок физкультуры, Лена выскользнула из школы и побежала за мороженым в магазин на углу улицы. Она так торопилась, что поскользнулась на повороте и спикировала носом к ногам парня в модных кроссовках и голубых джинсах. Он наклонился, больно царапнув ногтем по шее, взял её за шиворот и встряхнул, точно котёнка:

— Куда лезешь? Смотреть надо.

Трепыхаясь в руках парня, Лена могла едва дышать от обиды и унижения. Наверно, прохожие думают, что она воровка или попрошайка, пристающая к людям. Чуть не плача, она прошептала:

— Извините, я нечаянно.

На них оглядывались прохожие, и красивое лицо парня скривилось в презрительной

усмешке. Отведя руку в сторону, он брезгливо разжал пальцы, а потом отряхнул с джинсов невидимые пылинки, словно отметая от себя чужое присутствие.

Мороженого сразу расхотелось, и, проклиная свою неуклюжесть, Лена поплелась обратно в школу. Остаток дня она уныло смотрела в окно на двор с новенькой горкой для малышей, ощущая на шее след от царапины, оставленной острым ногтем незнакомца.

Первое, что увидела Лена, придя домой, был тот парень, об которого она споткнулась. Закинув ногу на ногу, он развалился на диване, правой рукой прижимая к себе раскрасневшуюся Аллочку. В кресле у окна сидела мама и улыбалась потерянной улыбкой, в которой сквозили слёзы:

— Познакомься с Борисом, Леночка. Алла наша замуж выходит.

Напряжённо кивнув, Лена быстро ушла в свою комнату, подумав, что никогда не вышла бы за такого противного парня, пышущего самодовольством и наглостью.

Больше всего она опасалась, что, выйдя замуж, Алла останется дома и ей придётся жить в одной квартире с Борисом. Но волнения оказались напрасными: мама с папой поднатужились, стянули денежные резервы, и вскоре Алла с мужем въехали в новенькую двухкомнатную квартиру улучшенной планировки.

— А наша квартира, Ленок, тебе достанется. Всем сёстрам — по серьгам, — однажды упомянул папа. Царствие ему небесное.

Алла с Борисом пришли, едва Лена успела спрятать в кладовку свежеекрашенные ботинки и проветрить кухню. Оценивающе окинув взглядом растрёпанные Ленины волосы и суконную юбку до полу, сестра выразительно закатила глаза:

— Я же тебя предупреждала...

Увидев, как презрительно дёрнулась бровь Бориса, Лена злорадно улыбнулась. Ей нравилось выглядеть раскованно и независимо.

— Мы не одни, — сказала Алла, предупреждая Ленину ответную реплику.

Сделав шаг в сторону, она пропустила вперёд себя толстого мужичка с обширной лысиной, по которой струились жидкие прядки волос, перекинутые от уха до уха.

Аккуратно, чтоб не потревожить причёску, он наклонил вперёд голову и пророкотал неожиданно густым голосом:

— Добрый день, госпожа Шелестова. Имею честь представиться. Адвокат Вениамин Сергеевич Красиков. Прошу любить и жаловать.

Свою работу Вениамин Сергеевич Красиков скорее терпел, чем любил, справедливо признавая, что благодаря его стараниям дочурка учится

в Англии, жена коллекционирует антиквариат, а под капотом автомобиля урчит мощный двигатель в двести лошадиных сил.

Закончив с отличием среднюю школу, Веня собирался поступать в военное училище, лелея мечту однажды утром в новенькой форме небрежно пройти мимо дома одноклассницы Светки. Он постарался бы подгадать к тому времени, когда Светка, по обыкновению, болтает с подружками на лавочке, воочию представляя себе её восхищённый взгляд. Сперва он скользнул бы по курсантским нашивкам благородного блеска, а потом переместился на отпаренные брюки и начищенные до блеска ботинки. При мысли о сладком миге встречи со Светкой сердце в груди томительно заходило в любовной истоме, но мама трезво рассудила иначе:

— Веник, приличные люди учатся или на юристов, или на зубных техников.

И Веник как послушный сын не стал перечить мамуле, зная непреложную истину, что мамы всегда правы. Так оказалось и на этот раз: кадровые военные то воевали, то сидели без зарплаты и жилья, то не могли выбраться на родину из стран ближнего зарубежья — в общем, тянули лямку, обычную для вояк бывшей Страны Советов. Вениамин был другого поля ягодка. Удачно сориентировавшись на третьем курсе университета, он решил приложить свои усилия на ниве жилищного права. И вполне преуспел.

Тишком, шепотком желающие обменять квартиры передавали его имя из уст в уста.

Красиков мог всё: оформить взаимовыгодный обмен, отменить невыгодную сделку и прокрутить прописку через фиктивный брак.

«Волшебник, истинный волшебник!» — льстиво заглядывали ему в глаза многочисленные клиенты, оставляя на письменном столе пухлые конверты с весомой благодарностью за умелую помощь.

Страна менялась на глазах: один за другим умирали генеральные секретари ЦК КПСС, в кремлёвских креслах прочно уселись президенты, как весенние подснежники, выросли и увядали всесильные олигархи, но квартирный бизнес оставался непотопляемым.

Мало-помалу Вениамин Сергеевич наращивал обороты, открыв фирму недвижимости, и по старой памяти, чтоб не потерять квалификацию, иногда лично совершал чистые сделки.

Нынешнее дельце было чистеньким и безупречным, как топлёное молоко из русской печи. Комар носа не подточит. Обычный квартирный раздел без отягчающих обстоятельств.

Окинув намётанным взглядом просторную квартиру Шелестовых, Вениамин Сергеевич заглянул в туалет, проверил состояние ванной и только тогда прошёл в комнату.

— Сестра у меня немного странная, — честно предупредила клиентка Алла перед сделкой.

Её муж, Борис, — высокий фактурный мужчина, похожий на спортсмена, утвердительно закивал головой:

— Елену родители с детства разбаловали, вот девица и фокусничает как может. Вы не обращайте внимания на её выкрутасы.

Красиков насторожился: ещё не хватало связываться с недееспособной дурочкой. Он вопросительно поднял брови, но получил успокаивающий ответ, что странность относится лишь к внешнему виду.

— Внешний вид меня не касается, — успокоено пробурчал Вениамин Сергеевич, навидавшийся на своём веку всякой-всячины в образе панков, рокеров или сектантов-иеговистов, желающих превратить свои квартиры в молельный дом.

Стоящая посреди комнаты Лена Шелестова казалась подростком: настолько по-детски смотрели на мир её глаза из-под бледно-розовой чёлки с зелёными прядями. Она была нескладной и некрасивой, в длинной чёрной юбке до пят и растянутой по краям футболке с отрезанными рукавами. Хотя девушка старалась казаться независимой, напряжённый поворот головы подсказывал, что визит оказался для неё неожиданным сюрпризом. Неужели её не предупредили?

На мгновение Вениамину Сергеевичу стало жалко эту попавшую в оборот недотёпу. Но он без промедления задавил проклюнувшееся

чувство, сурово напомнив себе, что его бизнес не допускает пустых сантиментов.

Как Красиков и предполагал, разговор начал Борис, по всем признакам играющий первую скрипку в слаженном семейном ансамбле.

Опустившись в продавленное кресло у окна, Борис хлопнул двумя руками по коленкам и резко, без дипломатических подходов, сказал:

— Лена, как ты понимаешь, нам надо разделить наследство родителей.

Он смотрел вверх голов на хрустальную люстру восьмидесятых годов, словно именно люстра была самое важное, что сейчас происходит в этой квартире.

— Наследство? — в голосе Лены зазвучала скрытая ярость, смешанная с паникой. — Какое отношение ты, Борис, имеешь к наследству моих родителей? У тебя есть свои собственные мама и папа. Кажется, они живут в Южноморске?

Нервным жестом засунув руки в карманы, она повернулась к сестре:

— Алла, объясни, зачем вы пришли?

— Тебе всё объяснит господин Красиков.

Ответ прозвучал отстранённо, словно разговор со случайным прохожим.

Хотя в комнате пахло краской и тянуло жаром от батарей, Алла зябко обхватила плечи руками. В который раз за день Вениамин Сергеевич залюбовался её безупречным профилем. Царица! Встретиться ему такая дамочка лет этак

десять назад... Эх! Он бы под её ноги расстелился пушистым ковриком.

В комнате повисла тишина, и не любивший семейных сцен Вениамин Сергеевич деликатно кашлянул:

— Приступим к нашим делам. Прошу вас, Лена, присаживайтесь и ознакомьтесь с документами.

Кожаная папка из крокодиловой кожи — подарок жены на день рождения — с глухим шлепком легла на полированный стол. Прежде чем расстегнуть замок, Вениамин Сергеевич провёл пальцем по выпуклому узору, оставляя на нём влажный отпечаток. Наверное, давление подскочило. Чувствуя лёгкий приступ удушья, он освободил узел галстука и, справившись с собой, веером разложил нотариально заверенные документы.

Из них вытекало, что Ленина часть квартиры составляет ровно двенадцать квадратных метров, а остальное принадлежит сестре и племянникам.

Но ей крупно повезло! Поскольку адвокат Красиков по совместительству владеет агентством недвижимости, то, как вариант, он предлагает отличную комнату в коммунальной квартире почти в центре города. Адрес простой: Мучной переулок, дом три, квартира пять.

Сделка идеальная, без отягчающих обстоятельств, и проблем не будет. Одинокая старушка, заключившая с агентством договор

о пожизненном содержании, недавно умерла, не оставив наследников.

Широкий жёлтый дом в Мучном переулке одной стороной выходил к каналу Грибоедова, покрытому грязным льдом.

Местами, у парапета, лёд походил на застывшую мыльную пену с блёстками жирной копоти. Ближе к середине канала чёрной водой отблёскивала полынья, где бодро плавали две утки, по виду вполне довольные своей судьбой.

Дверь в подъезд открывалась с трудом, а каменная лестница зияла выломанными перилами.

На втором пролёте Ленина нога в новых ботинках, отливающих синим металликом, скользнула по замёрзшей лужице молока, выписав пируэт, от которого заболела лодыжка.

Вцепившись руками в остатки перил, она внезапно вспомнила, как много лет назад их семья въезжала в новый дом. Был пасмурный зимний день, сыпавший снежными хлопьями. Дул ветер, напрасно стараясь испортить весёлую суматоху, царившую у подъезда. Грузовики с вещами прибывали один за другим, новосёлы, знакомясь на ходу, заносили вещи в распахнутые настежь двери. Мама с папой сгружали коробки с посудой, а они с Алкой бесшабашно щёлкали семечки и гадали, кто будет жить в квартире рядом: толстоногая старуха с тощей внучкой или

симпатичный мальчик с голубоглазой мамой? Оказалось, ни те ни другие.

Каждый шаг давался с трудом, и Лена почти забыла, что поклялась себе хранить независимый вид и бодро улыбаться своей самой беспечной улыбкой, которую в детстве долго репетировала перед зеркалом. Лена даже попробовала растянуть губы, но они упрямо кривились в безнадежной гримасе.

Войдя в коммунальную квартиру на третьем этаже, она поняла, что из милого домашнего рая, созданного любовью мамы и папы, попала в сущий ад.

Нет, конечно, Лена знала о питерских коммуналках в центре города. Но они существовали где-то там, за гранью её мирка. Тёплого, уютного, с деньгами в сахарнице и капустными пирогами по воскресеньям. Никто из её друзей в коммуналке не жил, а студенческое общежитие, в котором она бывала на шумных вечеринках, рассматривалось как промежуточная станция на пути поезда дальнего следования. Выбежала на перрон, перехватила стакан сока, купила пакет яблок и снова в своё купе — слушать плеер и читать книжку.

Наверное, в её глазах отразился страх, потому что средних лет дама в розовом халате и тапках на босу ногу криво усмехнулась. Пушистая ткань, крепко перетянутая на животе узлом кушака, делала хозяйку халата похожей на чудовищного розового цыплёнка из фильма ужасов.

Поправив на голове пластмассовую бигудину размером со стакан, дама пыхнула в лицо Лене сигаретным дымом:

— Привет, новая соседка. Твоя комната там.

Крепкий палец ткнул в направлении длинного коридора с единственной лампочкой на голом шнуре.

После родительской трёшки с приличным ремонтом коммуналка напоминала развороченную взрывом халупу. С потолка клочьями свисала штукатурка, мрачно-зелёные обои на стенах вздувались пузырями причудливой формы, а покосившиеся серые оконные рамы давно забыли, что такое вода и тряпка.

Почувствовав, как сердце в груди переместилось ближе к горлу, Лена шагнула в указанном направлении. Прямо на стене висел телефон с оборванным проводом, рядом стояли высокая тумбочка и пластмассовая табуретка.

— Иди, иди, не бойся, — подтолкнул в спину соседкин голос. — Меня, кстати, Эльвирой зовут.

— А меня Леной, — машинально отозвалась Лена не оборачиваясь.

Её била крупная дрожь, и пальцы никак не могли повернуть торчащий в двери ключ с двумя бородками.

— Крепче, крепче толкай. Двери здесь дубовые. Пушкой не вышибешь. Что ты такая малахольная? Или от радости, что своё жильё заимела, силёнки кончились?

Закусив губу, Лена налегла плечом на тёплое дерево, и дверь рывком распахнулась, открывая обзор в двенадцатиметровую комнату. Под пристальным взглядом соседки Лена переступила порог, и захлопнувшаяся дверь навсегда отсекала её от прошлой жизни.

В комнате едва уловимо пахло сладковатым запахом плесени, навсегда поселившейся в старых домах городского центра. Наверное, в этих стенах прошла не одна жизнь, оставляя незримые наслоения, затаившиеся в потолочных трещинах и разохшихся оконных рамах.

Как и обещал господин Красиков, мебель осталась на своих местах. Возле двери расположился фанерный шкаф вишнёвого цвета, у стены — покрытая клетчатым пледом металлическая кровать с деревянным подзором по низу, рядом узкий буфет и небольшой столик у окна. В правом углу на полочке стояла скромная икона Богородицы, из тех, что продаются в церковных лавках. Пожалуй, самой современной частью обстановки оказался электронный будильник с зелёными светящимися цифрами, мигавшими на отметке 20:00.

Если бы не светящийся глаз будильника, возвращающий чувство реальности происходящего, Лена могла подумать, что случайно попала в павильон «Ленфильма», где снимают кино о предвоенном времени. Стараясь ступать на цыпочках, словно ожидая прихода хозяйки,

она сделала три шага вперёд и деликатно присела на краешек венского стула у окна. С высокого потолка свисал пузатый шёлковый абажур с бахромой, и под стать ему на кровати грудой лежали вышитые подушки-думочки.

Тесная комната с витавшим в воздухе хозяйским духом напоминала найденную шкатулку с секретами, случайно попавшую в чужие руки. Пугая неизвестностью, новый мир, в который она вступила, притягивал и завораживал.

Потерев ладонями виски, Лена попыталась представить себе хозяйку, чьи владения перешли в её собственность. Судя по порядку в комнате и очень старой мебели, бабуля была чистенькой, бедной старушкой. По утрам, наверное, пила чай, на обед варила два яичка, а ужин состоял из овсяной каши, политой постным маслом, и стакана кефира.

Несмотря на убогую аскетичность, атмосфера комнаты умиротворяла, и Лена поймала себя на мысли, что впервые за прошедшие недели внутри неё ослаб туго завязанный узел из обиды и горя, который не давал свободно дышать, думать, чувствовать.

С того места, где она сидела, был хорошо виден внутренний двор, освещённый несколькими горевшими окнами. Два окна на противоположной стене и два на боковой.

Неужели с сегодняшнего дня жёлтая коробка из крашеных стен превратилась в её родной

двор, и она, как старушка — хозяйка комнаты, проживёт здесь всю жизнь и умрёт, одинокая и несчастная?

Последние события настолько выбили её из колеи, что она перестала хорохориться, а словно замерла, стоя на одной ноге посреди жизненной трясины и не зная куда шагнуть. Шаг влево — шаг вправо, и болото с чавканьем втянет в себя новую жертву.

Из плохо прикрытой форточки сквозило холодом. Потянувшись закрыть её, Лена положила руку на защёлку и замерла: там, в доме напротив, сейчас происходило нечто необычное.

В окне четвёртого этажа, за которым шевелились занавески, свет не горел, и человеческое присутствие угадывалось лишь по тёмному пятну,двигающемуся в глубине стеклянных отблесков. Сначала оттуда, из-за занавесок, на снег спланировало несколько ярких пакетиков, в каких обычно продают сушёную рыбу, а после во двор полетели банки с пивом. Одна из них, попав на бордюрный камень, взорвалась маленькой бомбочкой, и Лена удивилась — банки полные.

Но самым странным было не это. Выбрасыванием мусора из окон вряд ли кого удивишь. В родительском доме, этажом выше, с балкона регулярно вылетали детские использованные памперсы, пустые пачки сигарет, а однажды прямо к ногам дворника прицельным метанием рухнул старый телевизор. Хорошо не убил.

Странным казалось то, что под окнами хулигана шустрил невысокий бомжик в армейской кепочке и камуфляжном ватнике. Подпрыгивая как заправский теннисист, он споро ловил выбрасываемые банки и складывал их в школьный рюкзак, украшенный крокодилем Геней. А когда банки закончились, из окна вывесилась длинная верёвка с полиэтиленовым пакетом на конце. Воровато оглянувшись по сторонам, бомж молниеносно закинул в пакет золотистый батон и пропал, буквально растворившись в полутьме двора.

Что за ерунда? Провожая взглядом пакет на верёвке, Лена прижала нос к стеклу, едва не выдавливая его из рамы.

Когда пакет исчез в форточке, Лена в раздумьях намотала на палец розовую чёлку и решила, что пора пойти на разведку в кухню. Ведь должна же в квартире быть где-то кухня, ванна и туалет, которые предстоит делить с толпой соседей. Мама, успевшая вдоволь пожить в коммуналке, часто вспоминала, как утром приходилось вставать на час раньше, чтобы успеть помыться и вскипятить чайник, а про очереди в туалет по городу до сих пор гуляли неприличные анекдоты и озорные частушки.

Одну песенку Лена выучила ещё в детском саду, она начиналась словами: «Как у нас, как у нас засорился унитаз. Все соседи прибежали и на ручку долго жали».

Чувствуя на щеках жар первооткрывателя, Лена мельком посмотрела в маленькое зеркальце на стенке шкафа, скорчила себе ободряющую рожицу и смело вышла в коридор.

Закусив губу от напряжения, Алла вышивала панно на стену в детскую комнату. В женском журнале она прочитала, что цветное пятно чудесно оживляет модную гамму нежно-салатных оттенков, добавляя в интерьер нотку изысканности.

На туго натянутом полотне медленно выросли серые башни старинного замка, оплетённые зелёным плющом. Должно выйти красиво. Она вышивала вторую неделю подряд. Вышивала и распарывала, вышивала и распарывала. Крестики ложились неровно, а нитки путались и рвались. Говорят, рукоделие успокаивает. Ничего подобного! Монотонная работа способствует размышлениям, а от собственных мыслей Алла была готова завывать бездомной собакой. Хотя почему бездомной? Она-то как раз с домом, даже с двумя — своим и родительским. А бездомная собака — сестра Ленка. В детстве она дразнила её «Ленка-пенка-колбаса, на верёвочке оса».

Наугад ткнув иглой в ткань, Алла снова запутала нитку и, отбросив вышивание, закрыла лицо руками: «Кто объяснит, почему она должна рваться напополам между мужем и сестрой, как тонкое мулине?»

— Ты очень слабохарактерная, — бросил ей Борис, когда Алла заикнулась, что не стоит продавать родительскую квартиру.

Муж прав. Необходимо собрать волю в кулак, взять себя в руки и прекратить жалеть младшую сестру. Всё делается для её же блага.

Накануне папиных похорон, когда Алла разливала по тарелкам поминальный холодец, Борис чётко и доходчиво изложил свою позицию:

— Посуди сама, родители избаловали Ленку до безобразия. Здоровая девка до двадцати лет жила на всём готовом! Другие ребята со школы крутятся, как белки в колесе: то в «Макдоналдсе» подрабатывают, то газеты разносят. А она в университет ходит да по друзьям тусуется. Если оставим ей квартиру — сразу вразнос пойдёт. Посиделки, гулянки, танцы-шманцы до добра не доведут. А переедет в коммуналку — много не разгуляется. Соседи быстро призовут к порядку.

Придвинув себе тарелку с накрошенным мясом, Борис выбрал ровный кусок и густо посолил. — Вкуснятина!

Наваристый бульон для холодца на глазах заплывал жирной плёнкой, напоминая осенний лёд. По такому льду они с Ленкой наперегонки бегали в школу, перепрыгивая через застывшие лужи. Прежде чем ответить, Алла сняла ложкой жир и попыталась возразить, скорее для проформы:

— Но, Боря, родители выплатили мне мою долю квартиры.

Говоря, она боялась взглянуть в сторону мужа. Он не любил, когда она перечила. От гнева глаза Бориса наливались краснотой, а от тихого, свистящего голоса Алле всегда хотелось убежать и спрятаться.

Как она и предполагала, Борис взъярился, отшвырнув от себя тарелку:

— Сказано, продадим квартиру — значит продадим! Твоё дело холодец варить да помалкивать. А сестрица твоя выкрутится, вот увидишь. Такие, как она, не пропадают. — Увидев, как болезненно сморщилось Аллино лицо, хохотнул: — Не дрейфь, жена, знакомый адвокат обмен мигом устроит. Ленка мне потом ещё спасибо скажет, что сразу с головой окунули её в жизнь и научили нырять.

Всю ночь перед похоронами Алла не спала. Сначала ворочалась с боку на бок, а когда Борис выразительно шлёпнул её по спине: «Не мешай спать!», лежала с открытыми глазами, наблюдая, как летний сквозняк легко колышет тюлевую занавеску.

Плавая между явью и сном, Алла с горячностью убеждала себя в верности суждений Бориса.

Аргумент за аргументом она приводила себе доводы в пользу продажи родительской квартиры, и оказалось, что уговорить свою совесть совсем нетрудно. Главное, суметь правильно подобрать факты и истолковать последствия.

По всему получалась, что в выгоде окажутся обе стороны: у её детей появится возможность

проводить лето на прекрасной даче, а Лена будет закалять характер и учиться жить самостоятельно.

С нежностью взглянув на спящего Бориса, она на цыпочках сходила в детскую.

Шестилетний Бориска, названный в честь мужа, пускал пузыри на плюшевого мишку, а младшая Оля негромко похрапывала. Натянув на дочь одеяло, Алла озабоченно подумала, что сразу после похорон надо будет проверить Олины аденоиды.

Хорошо Ленке жить — молодая да незамужняя, гуляй — не хочу, а с семьёй хлопот полон рот.

Алла вышла замуж, едва исполнилось восемнадцать. Захотел бы Борис жениться на ней раньше — не раздумывая выполнила бы то, что он попросит.

В Бориса она без памяти влюбилась в последнем классе, на дне рождения подруги Ирки. Стояло начало июня. Учёба заканчивалась, предстоящая взрослая жизнь будоражила воображение выпускников картинами из красивых фильмов и бурлила в жилах, подобно игристому вину в хрустальном бокале. «Мы взрослые. Мы самостоятельные. Мы умные и не нуждаемся в посторонних советах» — легко читали родители на лицах своих отпрысков.

Праздничный стол приглашённые собрали вскладчину, таща из дому всё, что попадёт под руку. Света Моторина принесла две банки тушёнки, Колян Жмуркин — кастрюльку жареных

котлет, Алла — нарезку копчёной колбасы, а спиртное принёс Иркин сосед Борис. Красивый, взрослый и высокомерный.

Ирка перед Борисом буквально бисером рассыпалась. Скажи он ей с крыши спрыгнуть, наверное, ни секунды бы не помедлила. Но Борис Ирку в упор не замечал, а с ходу присел рядом с Аллой и налил бокал красного вина, а потом положил руку ей на плечо. Это было так неожиданно и волнующе, что Алла зажмурилась от нахлынувших чувств. Уверенная мужская рука насквозь прожигала тонкую ткань сарафанчика, грубо лаская нежную кожу у края бретельки.

Она заметила, как Ирка закусила задрожавшие губы, на глазах превращаясь из «лучшей» подруги в «бывшую». Но Аллу чужие переживания совершенно не волновали. Замерев пойманной птицей, она боялась пошевелиться от свалившегося на неё немислимого счастья.

Через несколько месяцев Алла вышла замуж за Бориса. Совсем скоро родился Бориска, а через пару лет — крикушка Ольгушка. Об учёбе Алла больше не заговаривала, с головой погружившись в семейные хлопоты и проблемы. Да и к чему учиться и изнурять себя на работе, горбатясь на чужого дядю, если дом — полная чаша? Квартира есть, машину успели поменять два раза, а ежегодные поездки на море уже успели надоест. Не хватало только дачи, о которой Алла

с Борисом давно мечтали. Рассматривать вариант с садоводством Борис не хотел, объясняя, что умные люди покупают не грядки под клубнику, а землю под будущий особнячок в ближайшем пригороде. Муж обещал присмотреть участок в тридцати километрах от Петербурга, объясняя заминку тем, что ожидает, когда наберётся нужная сумма денег.

Теперь, после смерти родителей, они смогут купить участок и построить отличный дом. А Ленка, если захочет, станет приезжать к ним в гости на выходные подышать свежим воздухом.

Подумав, что предложить Ленке кров и отдых будет благородно, Алла пришла в хорошее настроение. Мулине на вышивке больше не путались, а проснувшаяся Ольгушка запросила горячего молока с сахаром. Скоро бежать за Борей в садик и готовить ужин. Муж любит приходить с работы к накрытому столу.

Каждый раз, выходя из своего подъезда в Мучном переулке, Лена воображала, что случайно попала в таинственный замок, изрезанный потайными ходами и катакомбами. Сводчатая арка из первого двора вела во второй двор, а тот, огибая дом, выводил в третий двор, тоже сумрачный и старинный. Он был размером с большую клумбу и упирался в соседнюю улицу с названием Гороховая.

Среди каменных стен зданий, заслонявших небо, Лена казалась себе крошечной божьей коровкой, ползающей по каменному колоссу.

Почему-то из всех насекомых ей больше всего нравилась пёстренькая и круглая божья коровка с трогательными пятнышками на крыльях. Когда Лена ходила в детский сад, она выпросила у мамы красное платице в чёрный горошек и всем рассказывала, что теперь её зовут не Лена Шелестова, а Лена Коровкина, и живёт она не с родителями и сестрой Аллой, а на небке, где её детки кушают котлетки и раздают их добрым собакам.

От мысли про Аллу с Борисом Лена всегда начинала сопеть и часто моргать глазами, прогоняя с них туманную пелену. Тогда редкие фонари, освещавшие двор, расплывались и превращались в радужные пятна, в серединке которых мерцало крохотное электрическое солнышко.

— Ты когда ночью, а особенно в полнолуние, через двор идёшь, по сторонам поглядывай. Зазеваешься — пропадёшь. Небось знаешь, что на Гороховой улице при советской власти было ЧК? Вот призраки казнённых и бродят вдоль по улице. Туда-сюда, туда-сюда. Увидят одинокую девушку и запугают до полусмерти, — стращала соседка Эльвира, округляя глаза для выразительности. — Я один раз наткнулась на призрака. Он из помойки вылез с пакетом из супермаркета. Весь в белом, а лицо синее. Жуть!

Хотя в привидения Лена не верила, в душе поселилось беспокойство, и через двор она старалась пробежать без остановки, словно сдавая зачёт по физкультуре. Тем более что пересекать двор ей приходилось в темноте поздно вечером или рано утром, при возвращении со смены в пекарне.

Как ни странно, но в коммуналке она прижилась довольно быстро, учитывая, что соседей было немного и люд подобрался хоть и разномастный, но не вредный.

Дворничиха Эльвира пару лет назад приехала из Ижевска, где продала трёхкомнатную квартиру, с трудом наскребя капитал на комнату в Петербурге.

— Замуж собираюсь выйти, — бесхитростно призналась она Лене в беседе на коммунальной кухне, — а у нас в Ижевске женихи невидные, можно сказать, завалящие: ни одного олигарха в помине нет, не то что у вас в Питере. Я в жилконторе нарочно себе участок около банка выпросила, взятку ведром огурцов давала. У банка дорогие лимузины кишмя кишат, как мошки на гнилом арбузе. Мету тротуар, а сама поглядываю, жду, когда мне женишок перепадёт.

Чтобы ускорить знакомство с олигархом, Эльвира ежедневно взбивала на голове блондинистый кок, обильно красила губы и наводила синие тени по моде своей молодости.

Кроме Эльвиры и Лены, в квартире были прописаны ещё три человека: моряк Усачёв,

молодая пенсионерка Раиса и тихий пьяница Аркаша.

Ввела Лену в курс дела всё та же Эльвира:

— Усачёва скоро не увидишь. Он чуть не целый год плавает, потом неделю куролесит и снова уходит в море. Шальной мужик! — от воспоминаний об Усачёве Эльвирины глаза масляно заблестели, а на губах промелькнула слабая улыбка, тут же сошедшая, как только Лена спросила про Раису.

— Райка у нас «ку-ку», — заявила Эльвира, энергично указав на кухонный столик у окна, — посмотри, сама всё поймёшь.

Проследив глазами за Эльвириным пальцем, Лена увидела идеально чистый стол, уставленный банками разного размера, выстроенными в ряд, как на выставке. На каждой банке скотчем были наклеены цифры, от одного до семи.

Ничего не поняв, Лена пожала плечами. С соседкой из угловой комнаты она ещё не встречалась и, как банки на кухонном столе связаны с «ку-ку», не представляла.

Укоризненно наклонив голову, Эльвира приложила ко рту руку и сообщила:

— В банках Раискина диета. Она, как вышла на пенсию, принялась от скуки бегать по всяким выставкам. Сама понимаешь, пенсионерам вход бесплатный, ходи сколько душе угодно. Где только ни побывала, начиная от фестиваля персидских кошек и заканчивая презентацией трактора «Кировец». А с одной из выставок

пришла задумчивая, с кучей брошюрок. Всю ночь читала, а наутро нам с Аркашей заявила, что свою жизнь в корне пересмотрела и с сегодняшнего дня начинает новую эру. Вместо Раисы Григорьевны Бубновой берёт себе имя Звенящая Сосна и питается только соками земли.

— Какими соками? — переспросила Лена, изумлённо взглянув на пузатые банки, наполненные чем-то бурым.

Эльвира загадочно выпятила нижнюю губу, размазав по подбородку морковного цвета помаду:

— Соками земли. Мы с Аркашей пытались угадать, что за соки такие и как она их варганит, но так и недотумкали. Райка, Звенящая Сосна то есть, жрачку по ночам кухарит в определённые дни. Закроется на кухне и шурует у плиты, только кастрюльки звенят.

Аркаша один раз попытался сунуться ради интереса, вроде как водички попить, так чуть поварёшкой по лбу не схлопотал.

Дух от соков идёт ядрёный. Спасибо, Раиса догадалась своё варево плотными крышками закрыть, иначе бы всю кухню провоняла. Видишь, на каждый день недели своя банка.

Говоря, Эльвира напирала на Лену объёмистой грудью, постепенно оттесняя её к узкому столику, который достался в наследство от прежней жилички.

В отличие от разрухи в прихожей, кухня выглядела вполне пристойно: потолок протекал

только над раковиной, крупных прорех на по-
тёртом линолеуме не замечалось, а единственное
окно недавно мыли. Газовых плит было две.

— У каждой комнаты по персональной
горелке, остальные горелки дежурные, — объ-
яснила Эльвира. — Уборку мест общего пользо-
вания делаем по очереди каждую неделю. В эту
неделю Аркашина смена. Следующая моя, потом
Звенящей Сосны. До тебя очередь дойдёт к концу
марта. Поняла?

Лена с благодарностью улыбнулась:

— Поняла, спасибо.

Ей нравилась неунывающая Эльвира и им-
понировало то, что она не обратила совершенно
никакого внимания на вызывающий Ленин
наряд и розовые волосы с зелёными прядями,
словно каждый день общалась с неформальными
девушками в синих ботинках, крашенных авто-
мобильным металликом.

Аркаша, напротив, при знакомстве с Леной
ожидаемо хрюкнул и даже попытался игриво
подёргать её за пёструю чёлку:

— Привет, соседushка, забегай на стакан-
чик чая!

Ростом и статью новый сосед не отличался,
а длинным носом и багровыми щеками походил
на уточку-свистульку, которую Лена однажды при-
несла в школу, чтоб свистеть на уроке математики.

Когда Лена, пропахшая духом свежей вы-
печки, приходила домой, Аркаша крепко спал,

разнося по коридору заливистые звуки могучего храпа. Выползал он к полудню, наскоро ополаскивал на кухне помятое лицо, одевался и исчезал.

— На работу пошёл, подсобником в магазин игрушек, — важно сообщил он Лене своё место работы, хотя она особо не интересовалась, на какие деньги Аркаша не просыхает.

Возвращался сосед после девяти вечера, румяный, весёлый и с пакетом еды за пазухой.

Со Звонящей Сосной, бывшей гражданкой Бубновой, Лена познакомилась лишь через неделю проживания на своей законной жилплощади. Она сразу подумала, что Сосне больше подошло бы имя Кочка, или на худой конец, Кустик. Раиса Григорьевна была маленькой, кругленькой, словно составленной из нескольких мячиков разного размера, которые при движении перекатывались под туго натянутым спортивным костюмом.

С прищуром оглядев Лену глубоко посаженными глазами, Звонящая Сосна остановила взгляд на длинной юбке, оценила вызывающую причёску и вместо приветствия предупредила:

— Гостей не води — сразу вызову участкового. Серафима Макаровна, в чью комнату ты въехала, была старушкой тихой, уважительной, и ты не шуми. Мне покой нужен, иначе нарушается обмен геофизической энергии.

Не зная, как вести себя с чокнутыми, Лена активно закивала головой, сумев промычать что-то вроде «не буду». Но Раиса Григорьевна

уже потеряла к ней интерес и погрузила голову в ведро с холодной водой, которое поджидало её на табуретке посреди кухни.

— Занятно тут у нас, — тихонько сказала себе Лена, думая о том, что даже если её новая жизнь и будет бедной, то скучной её никто не назовёт.

И хорошо бы ещё узнать, что за красивая девушка всё время попадаетея ей во дворе и почему вскоре после её ухода из форточки соседнего подъезда вылетают банки с пивом?

Частная пекарня, где Лена работала, располагалась в помещении бывшей столовой, переделанной по последнему слову хлебопекарной науки. В детстве, читая космическую фантастику, Лена именно так представляла себе внутренности межгалактической станции, бороздящей просторы Вселенной: сверкающая сталь, огнеупорное стекло и чуть подрагивающие стрелки приборов, показывающие температуру за бортом.

Через неделю работы в пекарне Лена перестала есть слойки с повидлом, через две недели отказалась от булочек с маком, а через месяц с души воротило уже от любой выпечки, даже самой изысканной.

— Зря не ешь на дармовщинку! Дюже смачно! — с набитым ртом вразумляла напарница Оксана, недавно приехавшая с Украины на заработки. Чуть за тридцать лет, рыжеволосая

и черноглазая, Оксана была женщиной пышной, но шустрой, как электровеник. «Моторная», — с гордостью говорила она про себя, рассказывая, как ухитрилась без копейки денег добраться до Петербурга и в тот же день устроиться на работу. Дома, в шахтёрском поселке, у неё остались мама и сын Богданка. Скопив денег, Оксана планировала навсегда остаться в Питере или переехать на постоянное место жительства в Грецию, объясняя, что для любого украинца Греция — как дом родной, а греческий язык выучить легче лёгкого.

Слова Оксана выговаривала мягко, тягуче, словно выпевала колыбельную, и работа у неё в руках спорилась, не то что у Лены.

Пока Лена укладывала один противень, Оксана успевала заправить два, а то и три. Снуга безостановочно, её руки легко порхали над выпечкой, доставали заморозку, включали таймер печи, смазывали и сортировали. Оксанина энергия казалась неисчерпаемой, и усталая Лена порой с завистью думала, что Оксана — не живая женщина, а нанотехнологичный киборг, выполненный по секретному заказу владельца пекарни.

Хозяин, Андрей Петрович Алабин, появлялся в горячем цехе ближе к полуночи, и каждый раз при его появлении Лене становилось не по себе от сверлящего взгляда его узких серых глаз.

Ростом он был почти вровень с Леной, но разворотом плеч мог легко поспорить с борцами

сумо, а широкие руки, словно созданные для тяжёлой работы, наверное, согнули на своём веку немало гвоздей и подков.

Глубоко засунув руки в карманы халата, словно боясь испачкаться, он подходил совсем близко к раскладчицам и молча наблюдал, как на противнях возникают ровные ряды пирожков и слоек.

Шеей и затылком Лена ощущала присутствие хозяина, как белка чувствует приближение охотничьей лайки, замирая на ветке в ожидании выстрела. От Алабина исходила недобрая, пугающая сила, с какой она ещё не сталкивалась.

— Замечала, что хозяин хромает? — однажды хохотнула в кулачок Оксана, когда Алабин прошёл мимо них, — это он, наверное, бегая за девками, ноги выломал.

Если бы Лена могла подыскать другую работу, то давно бы уволилась, но платили в пекарне неплохо, а университетское образование стоило немалых денег, которые теперь приходилось добывать самостоятельно.

Ночная смена пекарей заступала на работу в десять часов вечера и работала до восьми утра, пока под окном раздаточной не прозвучит сигнал хлебного фургончика, приехавшего за свежей выпечкой.

К тому времени Лена уже едва держалась на ногах. Самый пик усталости приходился на три часа ночи, когда мозг переставал осознавать

окружающее, а веки, помимо воли, наползали на глаза. Удивительно, почему других работниц не тянуло в сон. Работая, они переговаривались, смеялись, бойко рассказывали анекдоты, смысл которых начинал ускользать по мере приближения полуночи. Порой Лене хотелось лечь щекой прямо на горячие пирожки и забыться сладким сном, какой бывает после долгого купания в прохладной воде лесного озера.

Но дремать не позволялось, и она, широко раскрыв глаза, чтоб очнуться, продолжала автоматически выполнять свою работу, казавшуюся бесконечной.

— Шелестова, тебя просили зайти в конторку! — Оксана озорно подмигнула и дёрнула отупевшую Лену за рукав белоснежной спецодежды.

Машинально Лена отметила, что на таймере высвечивается пятнадцать минут двенадцатого. Булочки только начинали зарумяниваться. Недоумевая, что от неё понадобилось, Лена сполоснула руки под краном и с облегчением сдёрнула тугую косынку, давая передохнуть голове.

Конторка Андрея Петровича находилась тут же, за углом узкого коридорчика, обшитого нестерпимыми панелями серого цвета. После горячего цеха, наполненного равномерным гудением печей, конторка казалась тихой и прохладной, как подвал в старом доме. Из открытой форточки сквозило пронзительным ветром, шевелившим

волосы на голове хозяина. Сцепив руки перед собой, он сидел за письменным столом, смотрел Лене в лицо и молчал, словно бы забыл, для чего её вызвал. Глядя на дублёное лицо, освещённое бледным светом дневной лампы, Лена вспомнила рассказ Эльвиры о призраках, блуждающих в каменных дебрях петербургских улиц. Если бы Андрей Петрович вдруг взмахнул руками и протяжно завыл: «У-у-у-у», она бы не удивилась. Но вместо этого он разомкнул руки, пристукнул ими по столу и буднично сказал:

— Ну, Шелестова, признавайся. Другого выхода у тебя нет.

Фраза прозвучала так неожиданно, что в первый момент Лена не вникла в смысл слов, но когда до неё дошло, что в чём-то необходимо признаться, удивлённо уставилась на хозяина:

— Я вас не понимаю.

— Не строй из себя невинную овечку, — он резко поднялся и со стуком захлопнул форточку. — До тебя у нас ничего такого не было. Его рот неприятно растянулся в иронической ухмылке, а в глазах засквозило презрение и брезгливость.

«Не буду отвечать, пусть объяснится», — упрямо подумала Лена и, опустив голову, смело взглянула в наливающегося гневом лицо, замершее на тёмном фоне окна.

По-видимому, её молчание подогрело злость хозяина. Отшвырнув в сторону стул, он в два шага очутился возле сейфа, с лязганьем

повернул ключ и бросил на письменный стол санитарную книжку:

— Убирайся. И чтоб духу твоего здесь не было. Появишься — заявлю в милицию.

«Милиция... До тебя не было... Невинная овечка... Убирайся...» — хлёсткие слова били наотмашь, не давая опомниться.

Каждую секунду Ленины щёки то бледнели, то загорались, а мысли бессильно металась в голове, пытаясь отыскать причину, когда и в чём она провинилась.

Поняв, что ей нечем дышать, Лена оттянула ворот футболки:

— Постойте, Андрей Петрович, я не знаю, что вы имеете в виду...

— Вон!

Кажется, он стучал кулаком по столу и выкрикивал обидные слова, но Лена не обращала на них внимания. Не дожидаясь паузы, она положила в карман юбки свою санитарную книжку, кинула на диванчик у двери скомканный халат спецодежды и, пробежав через цех, выскочила на улицу.

Повезло девушкам, у которых есть парень, особенно такой, который примчится по первому звонку, вытрет слёзы, утешит, защитит. А она, Лена, уродилась некрасивой, смешной, неуклюжей, и ни один парень ещё не предлагал ей стать его подругой.

Как бездомная собака, отбившаяся от стаи, Лена плутала по тёмным улицам вдоль канала и не могла остановиться. Несправедливая обида

загнала её в тупик старинной фабрики, заканчивающийся глухой кирпичной стеной. Справа и слева стояли пустые цеха, зияя тёмными проёмами пустых окон. Под ногами хрустели битые стёкла, а вдалеке дикими голосами орали коты, обещая скорый приход весны.

Подняв голову, Лена долго смотрела на начинающее светлеть небо. Нарождающийся рассвет не обещал ей радости, боль внутри неё кричала и корчилась.

Но сквозь кошачьи крики и шум ветра Лена услышала едва различимые звуки колокола.

«Один, два, три», — она машинально считала удары, пока они не слились в непрерывную песню, заполняющую собой пространство.

«Пасха! Сегодня Пасха!» — дошёл до неё смысл торжества. Две недели подряд их цех в две смены пёк куличи. Заказы из магазинов сыпались один за другим. Хозяин обещал премию, а потные работницы едва успевали фасовать свежую выпечку.

За всей этой суетой и беготнёй Лена совсем забыла, что скоро праздник, который в их семье никогда не отмечали.

Колокольный звон набирал силу, распространяя вокруг себя ликование и обещая неизвестную прежде радость. Он был как рука друга, протянутая в трудный час. И Лена незаметно для себя пошла на этот звук, не замечая, что уже не плачет, а улыбается.